

ВЛАДИМИР АЛЕЙНИКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ ТОМАХ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПРОЗА

РИПОД
КЛАССИК

Москва, 2017

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
С55

С55 Собрание сочинений: в 8 т. — М. : РИПОЛ классик, 2017.

Т. 4: Алейников В. Д. Проза / В. Д. Алейников. — М. : РИПОЛ классик, 2017. — 696 с.

ISBN 978-5-519-62700-9 (Том 4)
ISBN 978-5-386-09816-2

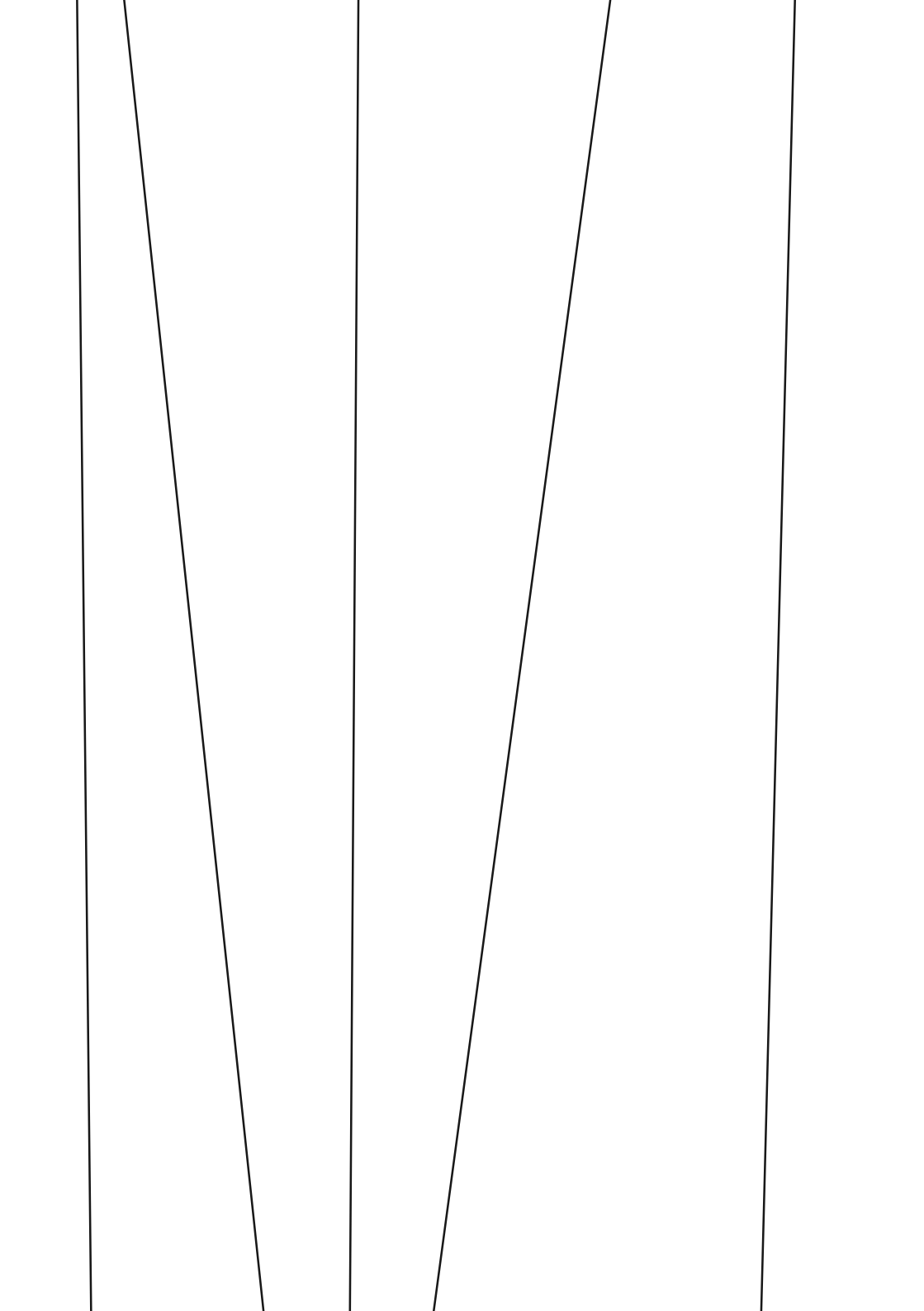
УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-519-62700-9 (Том 4)
ISBN 978-5-386-09816-2

© Алейников, В. Д., 2015
© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2015

A stylized graphic of a hand holding a sign. The hand is represented by several vertical lines of varying thickness, suggesting fingers and the palm. A white rectangular sign is attached to the hand, tilted slightly to the right. The sign contains the Russian text "ЧТО И ЗАЧЕМ" in a bold, black, sans-serif font.

ЧТО И ЗАЧЕМ

Что сказать и зачем говорить, если сказано все? Не словами, конечно, — вернее, не только словами. И не красками во все — но всею судьбою людской. О земном вспоминать — значит, верить, что речь мне подмога — на закате столетья, весной. О небесном — потом.

Наконец-то тепло.

Свет с утра — и в природе, везде и во всем, та особая статья и какая-то свежая, звонкая, безоговорочно принимаемая всем моим существом ясность, которая прежде всего наводит на мысль о состоянии ее исполинской, вселенской души, да и моей тоже, и только потом уже заставляет подумать о цветении и произрастании многообразных растений в округе, то есть непосредственно о каждодневном, ежеминутном, рабочем ее состоянии, о ее бесконечных, упорных трудах.

Двадцатое мая, четверг.

После дождичка, после циклона, пошумевшего ветром, потрясшего кроны деревьев, покипевшего рваными, смутными, налетающими с запада облаками, пострашавшего население Киммерии, с некоторой театральностью даже, — словно, повинувшись казенному, жесткому, исходящему сверху приказу неких недоброжелательных, может и вражеских, сил, выполнил он, расстаравшись вовсю, специальное задание, — впрочем, с явным перебором, с отсутствием вкуса к самому дей-

ству, к спектаклю, с утратой чувства меры и дешевым пристрастием к спецэффектам, — да и сгнувшегося до смешного просто: был — и нет его.

Ну, если честно, то это сейчас легко так вот иронически отзываться о том, что прошло.

Неприятно, когда кем-то или чем-то вторгнувшимся извне нарушается с немалыми трудностями налаживаемое, не успевшее устояться, равновесие в мире.

Всякое было еще совсем недавно — похолодание на огромном пространстве суши, на родной земле, и без того измученной варварским отношением к ней, ночные коварные заморозки, гибель всякой огородной и полевой зелени чуть севернее от нашего побережья, нарастающая тревога не только за урожай, но и вообще за будущее, острейшая проблема выживания и так далее, всевозможные и большей частью малоутешительные события и весьма серьезные известия о том, что происходит не только за неразличимыми отсюда рубежами, но и рядом, вокруг, — а тут еще и попахивало чуть ли не войной — ну пусть не ею пока что, согласен, — даже вообразить такое и то невыносимо для издерганных в предыдущие десятилетия нервов, — но уж точно, и очень давно, отравлял нас паскуднейший, серный, тлетворный запах слишком жестокой, оголтелой, бессмысленно-долгой, не знающей удержу смуты.

Словом, тянется муторный нынешний май — и я почему-то маюсь.

Может, рано мне искренне радоваться просветлению новому в мире, в киммерийском раздолье, чей лад — суций клад, Божий сад, рай и ад, больше — все-таки рай, ибо в нем реже страхи да игры с огнем, чем в былые года, с их бедой, с их полынной звездой над водой, с их упрямством, достой-

ным похвал, ибо выжил и связи не рвал ни с отчизной, ни с верой своей, скиф, скиталец, певец, Водолей, ни с любовью, что всюду права, ни с надеждой, чьи помню слова, с их волшебной и мольбой на холмах, с их разбродом в домах и в умах, с их тоской, с карнавалом химер, где кошмары, мечтам не в пример, настигали ночами в пути, дабы понял, куда мне идти, прорываясь вперед или ввысь, напрямик, сквозь авось да кабысь, через морось бесчасья — иглой, в глушь, где глиной, смолой и золой сдобрен смысла подспудного пласт, где простор никого не предаст, где покой вслед за волей встает и хоршее что-то поет в киммерийском укроме, в тиши, где спасеньем, небось, для души, станет речь, потому что лишь с ней крепнет дух среди седеющих дней?

Вот опять облака собираются в напряженно застывшем небе с остатками недавней безмятежной синевы, отовсюду идут, куда ни помотришь, — с юга, с запада, с севера и с востока, — сколько их, и зачем так много, — и ветер мечется то понизу, клоня очерет и сорные травы, всплескивая ветви молодых акаций с едва начавшими распускаться белыми цветами, то поверху, качая кипарисы и тополя, глухо гудя в проводах, вырываясь за холмы, к морю, и это его звучание, пение — «кого и о чем?» — как вопрошал Хлебников — сразу во всех регистрах, от басовых до высоко и тонко звучащих, раздраженно вибрирующих, срывающихся на визг, на свист, на отчаянный крик неведомо где, совсем далеко — и здесь, за окном, за вздрогнувшим и вдруг помутневшим стеклом, — изматывает, заставляет вздыхать, напрягаться и ждать — но чего?

Нет ответа и быть не могло.

Нет ответа — растаял он где-то.

С ним тaitся все то, что не спето.

В нем разгадка грядущего лета.

Грустной памятью сердце согрето.
Свет в оконное бьется стекло.

Нет и еще недавнего приподнятого настроения.
Вместо простого, главного — слов и цветов роение.
Что же делать? Что же мне делать?
На себя ли теперь обижаться?
В то, чем жив я, упрямо верить?
Как обычно, терпеть и держаться.

Над Святою горой три четверти неба заполнено сизовато-белыми, плотными облаками, отдельные клочья которых стягиваются, сжимаются в общую плотную массу, и только четверть неба упрямо синее, что уже вселяет в меня некоторую надежду на изменения к лучшему — только вот в чем и когда?

Отмахнусь от напрасных гаданий.
В них — истоки страстей и страданий.
В них — терзания в мире неистовом.
Не до них сейчас. Все-таки — выстоим.

Надо работать, а я — по привычке — вновь отвлекаюсь.
Увлекаюсь — неведомо чем. Привлекает — неведомо что.
Неведомо? Ведомо — что. Ведомо также — как. Ведомо — почему. Ведомо — и зачем.

Ведомо или неведомо? Все же определюсь.
Взвешу все за и против? Зрение напрягу? Слуху доверюсь?
Или — как и всегда — чутью?
Да, и еще — наитью.

Вьющейся в мире нитью связь ощущаю вновь — с тем, что диктует кровь. Что продлевает явь. То-то ее и славь. С нею — былого гнет. С нею — грядущий взлет. В ней не гнездится навь. С нею в единстве — правь, строгий свой суд верша. С нею в родстве душа.

Вот. А я себе: отвлекаюсь. На себе самом замыкаюсь? В чем-то смутном чуть ли не каюсь? С кем-то в прошлом перекликаюсь? Ведь не мыслью же растекаюсь по незримому древу! — Так отвлекаюсь, увидев знак в отдаленье, что вмиг смыкаюсь — ток подспудный, всевластный свет, ясный зов с чередой примет — с тем, что в слове звучит родном и встает за моим окном.

Ну а вдруг? Что с меня тогда взять?
Как мирские узлы развязать?
Что за тени сомнений качнулись?
Что за мысли невольно проснулись?
И откуда все это? Зачем?
Отвлекаюсь... (Дыша, между тем.
И уже прозревая, возможно.)
Потому-то и в мире тревожно.
И в душе — то ли даль, то ли боль.
(То, что названо просто: юдоль.)
Отвлекаюсь? А лучше — дерзать?
Но... Хотя — еще как сказать!

Все едино — и все, что меня окружает, что пережито, что грядет — взаимосвязано, и нет ничего случайного: не только в природе, или в моей биографии, или в судьбе, но и на этом вот листе бумаги, где, строка за строкой, вырастает мой текст, о котором наперед я еще ничего не знаю — и в то же время чувствую его весь, целиком, каким-то особенным, верным, не поддающимся объяснениям, но, сколько помню себя, неизменно меня выручающим и всегда справедливым чутьем — как таящую неукротимую музыку настоящего и былого, сжатую воедино, в энергетический шар, предельно сконцентрированную субстанцию, синтез разнообразных материй, первооснову, сущность всех вещей и явлений, готовую к действию, ждущую только слова моего, чтобы раскрыться и просиять.

Так что все, надеюсь, идет как надо.
И слава Богу.
Дух, свет, путь — вот что самое главное.
В их триединстве — строй вещи.
В их взаимодействии — соразмерность ее частей.

Отчего же я жду, напряженно, мучительно жду еще чего-то — наиважнейшего, того, без чего ну никак нельзя, определяющего движение моих писаний и дающего им дыхание?

Звука?
Да, именно звука.
Только его.

Ждать.
Любить и надеяться, верить и ждать.
Остальное — потом.

На обломках империи грозной вместе с глушью сплошной, с новью страшною ночью беззвездной, где измаялся ветер бесслезный, в Киммерии весной, вместе с тишью, отнюдь не бесстрастной в этом зябком краю, вместе с истиной, вовсе не праздной, весь, как есть, никому не подвластный, прозревая, стою.

Во второй половине дня облака разошлись — кто куда, — и поди угадай, где еще они сызнава вдруг соберутся, где искать их, — а впрочем, зачем? — не успеешь за всем уследить, что хотело бы узанным быть, а тем более — за облаками.

Разбрелись — что ж, авось их и примут где-то там, где раскинулись — вдоль по земле, но и ввысь, да и вглубь, — расходящимися отсюда четырьмя лучами креста — все четыре стороны света.

Развеялись, будто бы их, растерзанных и сквозных, воздушных, призрачных, смутных, в смещениях ежеминутных,